

преподобный Максим Исповедник

Послание к Иоанну Кубикуларию о любви преподобный Максим Исповедник

Я знаю вас, боголюбцы, по благодати стойко придерживающиеся святой любви к Богу и к ближнему, о которой вы печетесь надлежащими способами; знаю [по опыту общения с вами], когда был с вами, и не в меньшей (если не в большей) степени [знаю теперь], когда отсутствую, что вы изведали, каковы суть свойства Божественной любви и как они называются, а поэтому обладаете, по добродетели, этим божественным даром, неопишущим и беспредельным, который не только изливает благодеяния на присутствующих, но и возжигает рвение в отсутствующих, отделенных [от вас] большим пространством. Каждый раз убеждаясь через приходящих сюда и через ваши драгоценные послания, которые, как в зеркале, отражают подобающий вам образ божественной благодати, в вашем преуспевании в этой любви, я, естественно, радуюсь и веселюсь. И возношу благодарения за вас Богу, Подателю всяческих благ, не переставая вместе со святым Апостолом восклицать: «Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, благословивший нас во Христе всяким духовным благословением в небесах» (Еф. 1:3). Знаю и совершенно уверен в том, что святая душа ваша любовью в духе неразрывно связана с моей жалкой душой, узами дружбы имея закон благодати, благодаря которому незримо сочетаетесь со мною и заставляете сорадоваться с вами, заглаживая мой стыд, рожденный грехом, даром, уделяемым от ваших доброт. Ибо подлинно нет ничего более богообразного, более таинственного, более возвышающего людей до обожения, чем Божественная любовь. Она содержит в себе и собирает воедино все блага, о которых слово истины говорит как о [множестве] видов добродетели, и она никоим образом не связана всеми видами зла и удалена от них, будучи исполнением закона и пророков. Являясь наследником закона и пророков, таинство любви делает нас из людей богами; сосредотачивая в себе вселенский смысл отдельных заповедей, она, по благоволению [Божиему], единообразно объемлет им эти заповеди и, по Домостроительству [Божиему], распределяет их многообразным образом.

Каков же образ этих благ, который стяжала любовь? Не есть ли она вера – первая основа всякого благочестия, удостоверяющего обладающего

ею и в бытии Бога, и в бытии божественных [вещей]; дарующая тем, кто зрит эти вещи, более полное и великое представление о них, чем глаз, прикованный к зримым формам чувственных вещей? Не есть ли она надежда, в самой себе зиждущая в качестве основы подлинно сущее Благо и держащая его сильнее и полнее, чем рука, завладевшая каким-либо плотным материальным предметом, доступным осязанию? Не она ли дарует верующим и преисполненным надеждой духовное наслаждение, по внутреннему расположению своему обладая будущими [благами], как настоящими? Не есть ли она смирение, первое основание добродетелей, благодаря которому мы можем обрести познание о самих себе и отбросить прочь суетное возбуждение гордыни? Не есть ли она кротость, которой мы побиваем и хулы, и похвалы, отстраняясь от противоположных зол – докучаний, славы и бесчестия. Не есть ли она душевное благородство, вследствие которого мы, и страдая, остаемся неизменными в своем отношении к поступающим дурно, не испытывая к ним никакой вражды? Не есть ли она милосердие, благодаря которому мы добровольно усваиваем себе чужие несчастья и которое не позволяет нам забывать о сродниках и соотечественниках. Не есть ли она воздержание и стойкость, долготерпение и доброта, мир и радость, которыми мы легко унимаем жгучее кипение и возжигание ярости и похоти? Или, сказать кратко, любовь есть свершение всяческих благ, будучи верной, неукоснительной и всегда пребывающей, она ведет и приводит живущих в ней к Богу, Наивысшему Благу и Причине всякого блага.

Ибо вера, прочно зиждущая истину, есть основа того, что следует за ней, – я имею в виду надежду и любовь. Надежда же, будучи силой, [скрепляющей] любовь и веру, являет собой то, во что должно верить и что должно любить, и научает, как должно через нее совершать путь к этому. А любовь есть исполнение их: всею собою охватывая весь предельный предмет желания и прекращая их движение к нему, она вместо веры в его бытие и надежды на его будущее осуществление дарует собою вкушение его в настоящем. Собственно говоря, только она одна представляет человека сущим по образу Творца, мудро подчиняя разуму то, что находится в нашей власти, но не склоняя [выю самого] разума перед этим. Она убеждает волю двигаться соответственно естеству и не бунтовать против логоса природы. Ибо благодаря этому логосу мы все можем обладать как одним естеством, так и одной волей и одним хотением, будучи [созвучными] с Богом и друг с другом и не отдаляясь от Бога и друг от друга, если, конечно, избираем в качестве основополагающей идеи закон благодати, посредством которого мы добровольно обновляем закон

естества.

Поскольку в начале диавол, прельстивший человека, через себялюбие злонамеренно [заманил] его в искусно придуманную ловушку, обманув приражением наслаждения, то он отделил нашу волю от Бога и друг от друга. Отклонив с прямого пути [человека, лукавый] разделил образ бытия естества его, расчленив его на множество мнений и представлений; со временем он учредил в качестве закона поиск и нахождение всяческого зла, используя для этого силы нашей [души], и для постоянного пребывания зла во всех [людях] заложил лукавое основание – неуступчивость воли. Благодаря ей [диавол] сразу убедил человека отворотиться от соответствующего естеству движения и направить свое желание от дозволенного к запретному. Тем самым в человеке возникли три величайших и первичных порока, являющихся, если сказать просто, родителями всякого порока: неведение, себялюбие и тирания зависящие друг от друга и возникающие друг через друга. Ибо из неведения Бога [рождается] себялюбие; из себялюбия – тирания над сродным (против этого нельзя возразить); зиждущим основанием их является приобретенный нами способ злоупотребления собственными силами, то есть разумом, желанием и яростным началом. А должно разумом, вместо неведения, через ведение устремляться в поиске к наединейшему Богу; желанием, чистым от страсти себялюбия, возбуждаться в любовном томлении к одному только Богу; яростным же началом, отделенным от тирании, бороться за единого Бога. И из этих [устремлений души] возникает божественная и блаженная любовь (а они – через нее), сочетающаяся с Богом боголюбца и являющая его [самого] богом.

И когда с человеком, по его собственной воле и вследствие прельщения диавола, приключилось зло, то Бог – Творец [человеческой] природы и мудрый Целитель ее, [уже] истощенный пороком, – ради любви к нам «уничжил Себя Самого, приняв образ раба» (Флп. 2:7), непременно соединив с Собой по ипостаси [человеческое] естество, и весь ради нас, от нас и через нас настолько стал человеком, что неверующие и Богом Его не считали. Но Он настолько был Богом, что заложил в верующих неизреченное и истинное слово благочестия, дабы расторгнуть деяния диавола, вернув естеству [человеческому] чистоту сил [души], и дабы обновить силу любви – противницу себялюбия, которое есть и познается как первый грех, первое порождение диавола и мать всех следующих за ним страстей. И тот, кто любовью уничтожает себялюбие, проявляет себя достойным Бога. Вместе с себялюбием он уничтожает и все скопище порока, не имеющего иной основы или причины своего бытия помимо

этого себялюбия. Таковой человек не знает превозношения, служащего признаком противоборствующей Богу гордыни – сложного и чудовищного зла; не ведает он преходящей славы, которая, низвергаясь [в небытие], увлекает с собою и чванившихся ею; он иссушает зависть, которая сама по справедливости прежде иссушает одержимых ею, через добровольное благоволение располагая к себе сродных ему людей; вместе с этими [пороками] он вырывает с корнем ярость, гнев, кровопролитие, коварство, лицемерие, притворство, злобу, жадность и все то, чем разделяется единый человек. Ведь когда вырывается себялюбие, которое, как я сказал, есть начало и мать зол, то вместе с ним обычно вырываются и все [пороки], проистекающие из него и следующие за ним: когда оно не существует, то вообще не может существовать какого-либо вида порока или следов его. Вместо них [в душу] внедряются всяческие виды добродетели, дополняющие силу любви, сочетающую человека в единстве логоса [его естества] и образа [существования], уравнивающую и делающую одинаковым всякое неравенство и различие, [возникающие] во всех вследствие [греховной] воли. [Эта же сила любви] ведет надлежащим образом и к достохвальному неравенству, благодаря которому каждый сознательно настолько привлекает к себе ближнего и его предпочитает самому себе, насколько он раньше отталкивал его и был склонен возвышаться над ним. Через эту силу любви [человек] добровольно освобождает себя от самого себя, отделившись от представлений и свойств, которые он [был склонен] мыслить относящимися к себе соответственно [греховной] воле. Он собирает себя в единую простоту и тождество, сообразно которым никто никоим образом не отделяет своего от общего, но каждый – для каждого и все – для всех, и, более того, для Бога скорее, чем друг для друга имеют единое существование, являя собою (и в естестве, и в воле) наединственнейший логос бытия и Бога, мыслимого в этом логосе. Ведь вместе с Богом должен созерцаться и к Нему, как к Причине и Создателю, должен возводиться логос бытия сущих, которому свойственно сохраняться в нас невредимым и незапятнанным путем постоянного внимания и очищаться от бунтующих против него страстей через разумное рвение к добродетелям и через проистекающие из них труды.

Возможно, это и осуществил великий Авраам, и самого себя восстановив в логосе естества, и этот логос восстановив в самом себе, а поэтому возвращенный Богу и сам получивший обратно Бога, – ибо можно сказать и так, и этак, поскольку и то, и другое представляется истинным. Он удостоился видеть Бога, как человека, и принять Его у себя, [как гостя],

вследствие совершенства логоса естества, [которого он достиг] через [свое] человеколюбие. Он был вознесен к Богу, отвергнув свойство разделенных и разделяющих и не считая уже другого человека за нечто иное, чем он сам, но ведая, что единое есть как бы все, а все – как бы единое. Ибо [Авраам] духовным оком своим взирал не на логос [греховной] воли, являющейся (до тех пор, пока она остается непримиренной с естеством) основой раздора и разделения, но на наединственный логос естества, всегда неизменный, вместе с которым, как мы знаем, непременно обнаруживается Бог и через который Он проявляется как Благой, усваивая Себе собственные творения, поскольку тварь не может познать Бога таким, каков Он есть Сам по Себе. Ведь невероятно, чтобы с Простым и Тем же Самым мог соединиться тот, кто в самом себе не стал простым и тем же самым, но остался еще, вследствие [греховной] воли, разделенным на многие части относительно [единой] природы. [Для этого необходимо ему] прежде через человеколюбие сочетать волю с природой и показать, что в обеих [существует один и тот же] миролюбивый и не склонный к мятежу логос, движение которого никогда не направлено к чему-либо иному помимо Бога. Соответственно этому логосу, у принявших сей дар естество [человеческое] всегда пребывает неделимым и нераздельным, не разрываемое на части множеством [видов] инаковости, проистекающих из [греховной] воли. Ибо они уже не разделяют естество то так, то иначе, становясь то одними, то другими, но в отношении к тем же самым остаются теми же самими, не обращая внимания на то своеобразие каждого, которое возникает вследствие [греховной] воли и в силу чего разделяются разделенные. Наоборот, они устремляют свой взор на общее и нераздельное, [существующее] во всех соответственно природе, в силу чего и соединяются разделенные, не вводя вместе с собой ничего разделяющего. Через это в обладающих [подобным даром] проявляется Бог, Который по Своему Человеколюбию обретает форму соответственно особенности добродетели каждого и от нее Он воспринимает наименование. Ибо совершенным делом любви и пределом деятельности ее является приуготовление к тому, чтобы путем соотносительного взаимодействия свойства сочетаемых ею (и наименования их) подобали друг другу, а тем самым чтобы сделать Бога человеком, а человека проявить как бога и провозгласить в качестве такового через единое и неизменное намерение и побуждение обоих по воле. Это мы и обнаруживаем у Авраама и остальных святых, и оно равно сказанному от лица Бога: «И в руках пророческих уподобился» (Ос. 12:10), [дабы показать], как Бог,

вследствие Своего великого Человеколюбия, уподобляется каждому, в зависимости от его деятельного осуществления добродетели, объединяющего [всех]. Ибо «рука всякого праведника» есть его добродетельное делание, в котором и через которое Бог воспринимает подобие человеческое.

Итак, любовь есть великое благо, первое и исключительное из [всех] благ, она сочетает собою Бога и обладающих ею людей, позволяя Творцу человекoв являться, как человеку, через полное подобие в благе, [которого достигает] обоженный, насколько то доступно человеку. Данное подобие осуществляется, я думаю, тогда, когда любят Господа Бога от всего сердца, души и силы, и когда [любят] ближнего, как самого себя. Это есть, если попытаться объять [любовь] определением, всецелая внутренняя связь с Первым Благом и с всеобщим Промыслом о естестве всего рода [человеческого]. Выше этого нельзя подняться боголюбцу, прошедшему через все образы благочестия. Эту связь мы знаем как любовь и именуем любовью, не считая любовь к Богу и любовь к ближнему за нечто раздельное, но признавая ее всю целиком за единую и ту же самую, ибо ею мы обязаны Богу и она сочетает людей друг с другом. Ибо осуществлением и ясным доказательством совершенной любви к Богу является искреннее расположение к ближнему, [достигаемое] через добровольное благоволение. Ведь божественный Апостол Иоанн говорит: «Ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?» (1Ин. 4:20). Любовь есть путь истины (Ин. 14:6), и ею называет Себя Слово Божие, Которое представляет Богу и Отцу идущих этим путем чистыми от всяческих страстей. Она есть дверь (Ин. 10:9), и входящий через нее вступает в Святая святых, став достойным созерцателем недоступной красоты Царственной и Святой Троицы. Она есть истинная виноградная Лоза (Ин. 15:1), и плотно привившейся к корню ее удостоивается стать причастником Божественного качества. Через нее существует и передано всякое научение закона, пророков и Евангелия, дабы мы, возжелав неизреченных благ, вверили наше горячее желание образам [осуществления добродетелей], через любовь к Творцу настолько почитая творение, насколько оно служит Ему и насколько того требует логос естества, устанавливающий в качестве закона равночестие и исключаяющий из естества всякое неравенство, проявляющееся вследствие предубеждения к какому-либо человеку, поскольку этот логос всех заключает в самом себе единой силой тождества.

Ради любви Сам Создатель естества (дело неслыханное и приводящее в трепет!) облачился в наше естество, непреложно соединив его с Собою

по ипостаси, дабы остановить распыление этого естества и собрать его в Себе уже соединившимся и не обладающим никаким различием, [порожденным греховной] волей, ни относительно Него, ни относительно себя самого. Он ясно указал всеславный путь любви, подлинно божественной и обоживающей, ведущей к Богу и, как говорится, являющейся Богом. Этот путь, который в начале покрылся терниями себялюбия, [Господь] Своими страстями ради нас предзапечатлел в Себе и предоставил его всем, [уже] чистым от [всяких] препятствий. Камни на этом пути он разметал с помощью Своих учеников, как Сам предвозвестил в пророках: «И камне, еже на пути, разметите» (Ис. 62:10). Надлежащим образом Он убедил нас настолько придерживаться Его и друг друга, насколько Он Сам Собою, предвосхищая это, показал, пострадав ради нас. Ради этой любви все святые до конца противостояли греху, не заботились о здешней жизни и стойко сопротивлялись многовидным способам смерти, дабы, [уходя] от мира, сочетаться с самими собой и с Богом, соединив в себе разорванные части [человеческого] естества. Любовь есть истинное и безупречное богомудрие верных, концом которого является Благо и Истина. Ибо благом и истиной являются человеколюбие и любовь к Богу по вере; они суть отличительные признаки любви, сочетающей людей с Богом и друг с другом, а поэтому и обладающей неукоснительным постоянством благ.

И вы, благословенные, от всей души возлюбили этот божественный и блаженный путь, чтобы, подвизаясь в подвиге благом, достичь конца [его]. А поэтому вы незыблемо придерживаетесь того, благодаря чему достигается предел этого пути, я имею в виду человеколюбия, братолюбия, странноприимничества, нищелюбия, сочувствия, сострадания, смирения, кротости, душевного благородства, терпения, негневливости, долготерпения, стойкости, доброты, спокойствия, благоволения и миролюбия ко всем. Из них и через них создается благодать любви, которая ведет обоживаемого к Богу, Творцу человека. Ибо божественный Апостол, а вернее, глаголющий через него Христос, говорит: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает» (1Кор. 13:4–8), поскольку она имеет Бога, единственного Неперестающего и Неизменного. И человека, живущего в соответствии с ней, любовь делает таковым же, как то показывает нам пророк Иеремия, изрекающий: «Сей путь повелений моих, и закон сей во

век. Вей держащиеся ея, в живот внидут; оставивший же ю, умрут. Имися ея, чадо Мое, ходи к сиянию прямо света ея. Не дождь иному славы твоя, и полезных тебе языку чуждому. Блажен еси, яко угодная Богу тебе разумна суть» (Вар. 4:1–4). «Научися, где есть смьшление, где есть крепость, где есть мудрость, где есть долгожитие и жизнь, где есть свет очес и мир» (Вар. 3:14). «Посему любовию вечною возлюбил тя, того ради вовлекох тя в щедроты. Яко возгражду тя, и возградишися» (Иер. 313–4). «Стоните на путех, и видите, и спросите о стезях Господних вечных; и видите, кий есть путь благ, и ходите по нему, и обряцете освящение душам вашим» (Иер. 6:16). И опять говорится через Исаию: «Аз есмь Господь Бог твой, научих тя, еже обрести тебе путь правды, по нему же пойдеши, послушав заповедей Моих. Посему был бы убо аки река мир твой, и правда твоя яко волна морская» (Ис. 48:17–18). И я, радуясь вашим благам, осмеливаюсь говорить вместе с Богом, воспринимая [глаголы] от великого Иеремии: «блажен еси, еже совлек ризы плачевные и озлобления твоего», – то есть [совлек] «ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях», и облекся в благолепие, яже от славы Божией вовек, – то есть [облекся], – в нового человека, созданного в Духе по Христу и по образу Творца; облекся во одежду правды, яже от Бога, возложи венец на главу твою славы вечного», – то есть украсился ясным образом добродетелей и безошибочным словом мудрости, посему «Бог явит всей поднебесней твою светлость и наречется бо от Бога имя твое во веки, мир правды, и снова благочестия».

Помимо этих словес я не имею ничего, что бы [могло] показать незримое расположение [моей] души, ибо у меня нег ничего, равного вашим благам, дабы преподнести это Богу и вам. Я лишь могу, насколько то в моих силах, удивляться вам, воспринимать [толику] ваших [духовных] достижений, радоваться вместе с вами, умиловившими Бога благими делами, через вас восхвалять добродетель, а через добродетель, сочетающую вас с Богом, воспевать и [Самого] Бога. Ведь, как то кажется мне, одно и то же – хвалить вас и добродетель, и воспевать Бога, даровавшего вам сияние этой добродетели, которая по благодати обоживает вас в Боге, изглаживая признаки, свойственные человекам, и очеловечивает, по снисхождению, Бога в вас, благодаря усвоению [вами], насколько это доступно человеку, божественных свойств.

Содержание

преподобный Максим Исповедник Послание к Иоанну
Кубикуларию о любви преподобный Максим Исповедник¹